

УДК 130.2

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ

НАЛЁТОВА Наталья Юрьевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории,

Московский государственный университет путей сообщения, Смоленский филиал

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется феномен русской идеи как цивилизационной идеи русского народа. Выделяются ценностные интенции, и формулируется аксиологема «Русского мира».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русский мир, русская идея, Православие, ценности России.

NALETOVA N.Y.,

Cand. Pedag. Sci., Docent of the Department of Philosophy, Sociology and History, Moscow State University of Railway Engineering, Smolensk branch

THE NATIONAL IDEA OF RUSSIA

ABSTRACT. The article analyzes the phenomenon of the Russian idea as a civilizational idea of the Russian people. The value intentions are highlighted, and the axiology of "Russian Mir" is formulated.

KEY WORDS: Russian Mir, the Russian idea, Orthodoxy, values of Russia.

Следует признать, что русская идея ввиду универсализма и предельности своих вопрошаний, по-видимому, вряд ли когда-либо может быть в полном объеме воплощена в пространстве исторического бытия. Однако данная причина не является основанием для отрицания ее существования или важности. Напротив, автор данной статьи считает, что русская идея представляет собой неопенимый вклад в мировую духовную сокровищницу, поскольку она содержит в себе знания о том, к чему нужно стремиться миру, народу, человеку и как в идеале должны разрешаться противоречия этого мира. Но для того чтобы знания и накопленный опыт «Русского мира» не пропали даром, русская идея должна не замыкаться в себе, а открыться мировому сообществу, дабы занять достойное место среди цивилизационных идей, которые могут определить мировоззренческий выбор человечества в третьем тысячелетии.

Проблема русской идеи – одна из важнейших проблем отечественной философии, что доказывает высокий интерес к ней, проявляемый на протяжении двух последних веков.

Важные аспекты русской идеи были освещены в сочинениях П.Я. Чаадаева, А.С. Пушкина, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Ф.И. Тютчева, К.С. и И.С. Аксаковых, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Л.Н. Толстого, Н.Ф. Федорова, Н.И. Кареева, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Г.В. Флоровского, А.Ф. Лосева и др.

В явном виде учение о русской идее было разработано в произведениях Вл. Соловьева, Ф.М. Достоевского, В.И. Иванова, Е.Н. Трубецкого, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, И.А. Ильина, Г.П. Федотова.

Интерес к данной проблематике проявили и современные ученые-философы: А.В. Гулыга, Т.П. Довгий, С.Н. Кочеров, В.М. Меньшиков, А.С. Панарин, Н.А. Нарочницкая С.С. Хоружий и др.

Обращаются к русской идее и педагоги России: Е.П. Белозерцев, П.А. Гагаев, В.М. Меньшиков и др.

Особо следует отметить и тот неопенимый вклад, который внесли в разработку данной темы Киев-

ский митрополит Илларион, псковский старец Филофей, патриарх Никон и протопоп Аввакум, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, патриарх Кирилл, а также другие духовные вожди Земли Русской.

В спорах о русской идее порой высказывается мнение, что ее должно воспринимать как аллерию, символ, т.е. как художественный образ. Однако заметим, что при внешнем сходстве и общих признаках идея и образ суть разные формы и способы отражения действительности. Даже самый выразительный образ не может передать всех значений и смыслов, то есть всей глубины идеи.

Некоторые ученые ставят под сомнение статус русской идеи как научного понятия. Историки не считают ее категорией историографии, поскольку не знают явлений, которые могут быть обобщены понятием «русская идея». Действительно, эту идею нельзя найти в «чистом виде» среди политических, экономических или культурных факторов. Даже предельные обобщения исторической науки оказываются для нее лишь частными характеристиками, которые не могут адекватно передать ее сущность. И поэтому для историков она всегда останется «вещью в себе», непостижимой для научных методов, которые направлены на изучение исторических феноменов, а не историософских ноуменов.

Русскую идею также нередко принято считать порождением мифологического сознания. Но для этого нужно доказать наличие в ней специфических моментов, которые характеризуют ее как миф. Между тем в русской идее отсутствует важная составляющая мифа – чудо.

Понятие «русская идея» не определено четко русской общественной мыслью, что позволяет ученым трактовать ее как философскую (социально-философскую, философско-историческую, религиозно-философскую, философско-культурную) идею и устанавливать широкий ракурс ее исследования.

В классических трудах, посвященных русской идее (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Вл. Соловьев, Г.П. Федотов), преобладает мнение, что она может быть адекватно понята в религиозно-философском контексте.

Мы будем исходить из тезиса, что русская идея, христианская по своей природе, родилась вместе с принятием христианства на Руси, а возраст русской идеи есть возраст самой России.

Поскольку не существует научной методик, позволяющей анализировать идеальные сущности, изучение русской идеи возможно через анализ идей, оказавших наибольшее влияние на бытие и сознание российского общества.

Так, Е.П. Белозерцев заметил, что в каком бы направлении ни развивалась российская общественная мысль во времени и пространстве, в ней всегда присутствовала такая тема, содержание и характер которой определял основы русского самосознания – эта тема «Россия и ее предназначение» [1].

На уровне религиозно-философского (историософского) анализа образ России, с одной стороны, лицо эмпирическое, реальное, историческое (Россия, живущая во времени), с другой – идеальное (Промысел о России в вечности). Историческая Россия – тварная, меняющаяся во времени, всегда разная, падающая и поднимающаяся, несовершенная, святая, грешная, никогда не достигающая высоты своего идеального образа, что онтологически и невозможно. Но, ощущая существование этого идеального образа и пытаясь постигнуть свою историческую задачу, она формирует устойчивую религиозно-философскую традицию.

Русские философы неоднократно подчеркивали, что изменчивая, антиномичная душа России не может быть понята на уровне только рационалистического познания, и именно это обстоятельство делает русскую тему неизмеримо сложной.

С точки зрения русских религиозных философов И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, Россия – исключительное явление всемирной истории, поскольку обладает рядом черт, отсутствующих у других народов. Одна из них – это преобладание интуитивных способов понимания над всеми формами логического анализа; последний связан с индивидуальными усилиями, тогда как первые выражают некое общенародное (и поэтому абсолютное) знание, не помещающееся в рамки формальных категорий [2].

Вл. Соловьев, часто и много писавший о России, считал, что: «Русский народ – народ христианский, и следовательно, чтобы познать русскую идею, нельзя ставить себе вопроса, что сделает Россия через себя и для себя, но что она должна сделать во имя христианского начала, признаваемого ею и во благо всего христианского мира, частью которого она предполагается... Она должна, чтобы действительно выполнить свою миссию, всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного вселенского единства человеческого рода, непреложное основание которого дано нам в Церкви Христовой» [3].

Чрезвычайно широкий и панорамный взгляд на тему всеединства представил Б.П. Вышеславцев, который считал, что постулат реального единства человечества не позволяет вывести содержание и смысл бытия каждого народа на основе имманентного, эмпирического принципа и неизбежно предполагает искать смысл существования нации в вечных истинах религии [4]. Этот центр самоидентификации нации определяет ее земное назначение, творческую миссию в бытии, смысл ее жизни.

Тему России и ее предназначения христианское сознание, прежде всего, видит в осуществлении замысла Божия о мире. Именно поэтому «познание по образу Создавшего все», получившее свое отражение и в областях государственного самоопределения, социально-экономического совершенствования и культурного самоосуществления, для русского сознания выходит далеко за рамки сугубо национального значения.

Православие, в принципе несущее мысль об абсолютном господстве в мире верховного нравственного начала, видит реализацию Божьего замысла о мире в стремлении мира (России) к абсолютному добру, в искании им абсолютной истины, высшей правды – Божией правды, обращенной ко всем людям и народам; в стремлении к тем высшим ценностям и нормам, которые сформулированы в Нагорной проповеди, которые универсальны, вечны и обязательны для всех обществ и индивидов. Божия правда есть та высшая цель, которая делает осмысленными все усилия и жертвы на пути к ней.

Православие индивидуалистично и персоналистично, оно всегда утверждало лично бессмертную и ответственную душу, культивировало тайну личного совестного делания Божией правды и личного религиозного самостояния. Поэтому общенародное стремление к абсолютной истине всегда в религиозном сознании россиян тесно переплеталось с индивидуальным внутренним нравственным совершенствованием.

Религиозное сознание связывает высший нравственный идеал с Богом. Образ Христа был для русского человека не абстракцией, но ощутимо переживаемой реальностью. Идеалы христианства живо воплощались в конкретных людях, которые составили собор русских святых. Их образом воспитывалась вся «Святая Русь», они являлись тем ориентиром, который выступал в качестве критерия оценки существующей действительности и одновременно определял направленность жизненных целей. В русских святых народ чтит не только небесных покровителей святой и грешной России, но видел откровение собственного духовного пути.

Под влиянием святых у русского народа формировался критерий Божьей правды, названный патриархом Кириллом – голосом совести – внутренним нравственным фильтром, не зависящим от внешних обстоятельств.

Там, где существует голос совести, существует нравственность. Патриотизм, миролюбие, добродушие, альтруизм, милосердие, сердечность, великодушные, стыдливость, сострадание и всеотклик, т.е. вся совокупность нравственных качеств – установки, пронизывающие собой всю многовековую историю православной мысли.

Итак, истиной в системе ценностей России является Божия правда, к которой нужно стремиться и с которой нужно сверять и личную жизнь и общественную.

«Бог надежды (Рим. 15, 13) соединяет во Христе всех людей во всемирное братство и распространяет Свою любовь, не знающую границ и препятствий, на всю Вселенную, которую желает соединить под Главою Христом» (Еф. I, 10). Воссоединение всех христиан в единстве веры, Божией правды и любви, в единой Церкви, составит прочное соборное единство всего творения.

Православное понимание соборности означает способ отношений между людьми, проникнутых сознанием своей духовной общности, единым оду-

хотворенным смыслом. Соборность мыслится как форма снятия всех конфликтов, способ объединения всех усилий, путь решения всех проблем.

В контексте темы соборности (общности и единства исторической жизни человечества), темы равноправности и равной ответственности перед Богом русский народ рассматривал проблемы своего исторического становления и культурного развития, видел свое историческое служение, «свой исторический жребий» [5].

Именно соборность в той или иной форме определяла поведение православного народа. Его духовные авторитеты – великие подвижники, национальные гении – призывали к единству в мире и учили жить в единстве с миром. История помнит святых – Феодосия Киево-Печерского, Авраамия Смоленского, Сергия Радонежского, Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, Тихона Задонского, Паисия Величковского, Серафима Саровского, Оптинских старцев – столпов русской святости, духовных учителей народа и великих строителей вселенского единства.

Стремление к единству во исполнении Божьего дела неоднократно представало и в виде национальных идеологем: «Мечта о новом Иерусалиме» митрополита Иллариона, «Образ Святой Руси», явленный в жизни и деятельности Сергия Радонежского, Стефана Пермского, Кирилла Белозерского, заволжских старцев, «Идея Третьего Рима» инока Филофея, «русский панславянизм» Н.Я. Данилевского и др. При всех аксиологических различиях этих проектов они имеют единую первооснову – соборность.

Важной системообразующей ценностью русского православной мира является соборность, которая выполняет интегрирующую функцию в сообществе людей, ищущих Божией правды, живущих по ее законам.

Следует отметить, что христианская мечта о всечеловеческом единстве – вековая мечта человечества. А всякий универсализм связывается в первую очередь с понятием духовным, а не географическим. Еще И.А. Ильин отмечал: «Каждый народ служит Богу, как умеет. Один народ служит творчески и цветет духовно, а другой – нетворчески и духовно хиреет. Есть такие народы, которые перестают служить и становятся шлаком истории; и есть такие, что в своем малом и скудно-беспомощном служении угасают, не достигнув расцвета. А есть такие, что могут осуществить свое служение только под водительством другого, духовно сильнее народа...» [6]. В этом смысле русская идея примыкает к такому понятию, как мессианиззм.

Мессианиззм имеет религиозные корни, а поэтому понять и обосновать его можно только мистически. «Христос один во вселенной, Он не для Иудеев только и ни для Эллинов только... признаны и призваны все народы, каждый на своем месте...» (Кор. 1–31). Мессианиззм не истребляет другие национальности, которые есть индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества. Он их спасает, подчиняет своей вселенской идее спасения.

Л.П. Карсавин и А.С. Панарин, концептуальным ядром историософского поиска которых становится тема «замысла о России в вечности», считают, что Россия непременно должна осознавать свое мессианское призвание, свой духовный долг и исполнить его в истории [7; 8].

Глубина истинного религиозного мессианства всегда очень остро переживалась в России. Православие в лице Русской Церкви воспитывало в русском народе чувство особого религиозного призвания, религиозного путеводительства, духовного служения всем другим народам земли. Дать им возможность вплоть до последних мгновений истории обратиться к спасительному, неискаженному христианскому вероучению, к глубочайшей духовности богочеловечества.

В основе этого стремления лежало глубокое убеждение Русской Православной Церкви и русского народа, что разделения носят не перманентный характер, а являются следствием духовного оскудения, греховным состоянием эмпирического мира, что в твердости духа, в совокупности всех усилий, в соборности возможно достижение общей цели – богочеловеческого единства и спасения в лоне Святой Церкви.

Характерно, что все виды русского мессианизма, усматривавшие провиденциальное значение России и ее народа, сводились к теме спасения. При этом русская идея спасения понималась не как преодоление бедности, политическое освобождение, увеличение прав и свобод, что характерно, например, для Запада; не как полное подчинение тотальности геократического государства, что присуще Востоку. Спасение понималось в более универсальном значении – как избавление от всеобщей опасности и всемирной угрозы.

На русской почве мессианизм, сознание по существу пророческое, приобретает ярко выраженные эсхатологические ожидания или апокалиптическую окраску, обращенную к явлению Христа и его антипода антихриста. Избранничество мыслилось только в апокалиптическом контексте мировой трагедии – катарсиса [9].

Но устранение данной угрозы считалось невозможным без одновременного восхождения к более совершенному обществу или более высокой духовности. Отсюда в Православии упование, эсхатологическое ожидание Царства Божия, преображения не только индивидуального человека, но и преображения социального и космического – восстановление в первоизданном совершенстве всего сотворенного универсума. Тот же источник в истории России имеют мотивы искания града Божьего, града грядущего, ожидание сошествия на землю Небесного Иерусалима, жажда всеобщего блага и всеобщего спасения, глубокая обеспокоенность русского духа судьбами всего мира, настоящим и будущим, стремление к богочеловеческой соборности [10].

Ответственность русского народа за достижение спасения всего творения во Христе тесно переплетается и с ответственностью за созидание, укрепление своей Родины. Идея нации как реального, кровного единства получила пластическое выражение в русском языке в таком понятии, как «светло светлая и прекрасно украшенная Русская земля, идущая путем евангельских откровений». Ответственность за судьбу своей Родины и верность своему долгу не были для русского народа эмпирической идеей и безотчетным врожденным чувством. В их основе лежала не временная общность интересов различных по своему положению социальных слоев и не зыбкое комплементарное согласие отдельных групп в социально-политических оценках русской действительности. Эта идея и чувство опиралось на религиозное сознание всем русским народом своей под-

линой соборности на пути высшей цели жизни – спасения в лоне Святой Церкви.

Базовой ценностью России является спасение, ради достижения которого даже несовершенное земное общество может оказаться способным к соборному единению.

Итак, проведенный в статье анализ показал, что фундаментальными ценностями русского православного мира являются *Божия правда, соборность, спасение*, которые составляют должную основу объединения сообществ и образ их идеального бытия.

Трудно оспорить, что *Образовательное наследие* ются как идеальными целями, так и реальными проблемами россиян.

Исходя из этого, смысл существования нашего народа можно сформулировать так: *стремление к*

соборному осуществлению Божией правды на земле, обретение которой принесет спасение России и всему человечеству.

Данная дефиниция представляет не конкретное выражение русской идеи на какой-либо стадии развития российского общества и российской культуры, но некий социокод, который, по существу, лежит в основе всех известных интерпретаций русской идеи. На основе знания этой формы, разумеется, нельзя предсказать, в каком новом образе, идее или учении предстанет русская идея в будущем, однако можно с достаточно большой уверенностью утверждать, какая идея не в состоянии претендовать на эту роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белозерцев Е.П. Образование: историко-культурный феномен : курс лекций / Е.П. Белозерцев. – СПб. : Юридический центрПресс, 2004.
2. Мильдон В.И. Русская идея в конце XX века / В.И. Мильдон // Вопросы философии. – 1996. – № 3.
3. Соловьев В. Собрание соч. : в 2 т. / В. Соловьев. – М. : Правда, 1989. – Т. 2.
4. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса / Б.П. Вышеславцев. – М., 1994.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. – М., 1997.
6. Ильин И.А. О христианском национализме / И.А. Ильин // Избранное. – Смоленск, 1995.
7. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея / Л.П. Карсавин // Русская идея. – СПб., 1992.
8. Панарин А.С. Смысл истории / А.С. Панарин // Вопросы философии. – 1999. – № 9.
9. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М. : Ре-принт. Изд., 1918.
10. Материалы Поместного собора Русской Православной Церкви (Троице-Сергиева Лавра, 6–9 июня 1998). – Сергиев Посад : Изд. Московской патриархии, 1990.